
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Институт науки

как пространство разноуровневых взаимодействий

Рецензия на книгу: Олейник А.Н. (2019) Научные транзакции в науке: сети и иерархии в общественных науках. М.: Инфра-М.

М.Ф. ЧЕРНЫШ*

***Михаил Федорович Черныш** – член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, заместитель директора, Институт социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5. E-mail: che@isras.ru

Цитирование: Черныш М.Ф. (2020) Институт науки как пространство разноуровневых взаимодействий // Мир России. Т. 29. № 4. С. 204–216. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-204-216

В настоящей статье книга А.Н. Олейника «Научные транзакции в науке: сети и иерархии в общественных науках», вышедшая в 2019 г., рассматривается как повод для размышлений о состоянии российской науки, результатах и возможных перспективах ее реформирования, принципах оценки трудов ученых. Анализируются процессуальные аспекты научной деятельности, имеющей в основании систему формальных и неформальных норм. Взгляд на науку как общественный институт позволяет определить не только направленность и регистр осуществляемых транзакций, но и обозначить масштабы ущерба, которые могут нанести ей неудачные реформы, разрушающие логику ее внутренних коммуникаций. Современные преобразования, ставящие целью сделать российскую науку составной частью мирового научного процесса, в реальности отдаляют ее от стандартов, принятых в наиболее развитых странах, подменяют воспроизводство института в горизонтальном регистре внешним принуждением к публикационной активности. Реформы (прежде всего реформа РАН) стали одной из причин нарастающей деградации производства научных знаний в РФ.

Ключевые слова: социальные институты, наука, научные транзакции, научные коммуникации, реформы

С начала 1990-х гг. в России не прекращается дискуссия о том, какой должна быть российская наука, как она должна функционировать. «Вопрос науки» во все времена

дискутировался параллельно с более общими вопросами российской действительности: каким должно быть российское общество, как оно должно представлять себя миру, какой должна быть российская система образования. Наука в этой дискуссии была не на первом месте, приоритетными считались другие задачи, решение которых обеспечивало стране выживание в самой короткой, буквально недельной перспективе. И все же общие принципы отношения к науке в либеральном консенсусе уже в тот момент были более или менее определены.

Во-первых, российская власть исходила из того, что большая наука, охватывающая множество исследовательских направлений и комплексно простирающаяся от фундаментального уровня до прикладного, новой России не нужна. Чиновники верили, что при благоприятных исходах российской трансформации страна станет полноправным членом союза западных, цивилизованных государств и в этом качестве получит доступ к любым научным результатам, необходимым стране. Во-вторых, то устройство науки, которое досталось России в наследство и которое неплохо послужило российскому государству в прошлом, новой властью признавалось как архаичное, отсталое по мировым меркам. В наиболее развитых странах большая часть фундаментальных и прикладных исследований проводится в университетах, и власти полагали, что именно этому образцу должна следовать Россия, т. е. переводить науку на университетские рельсы методично, не снижая темпов, что, в свою очередь, даст возможность соединить ее с образованием, обеспечивая тем самым существенную экономию средств. В-третьих, ставилась цель в обозримой перспективе реформировать управление научными институтами с тем, чтобы архаичная, застрявшая в прошлом система РАН перестала довлеть над научными коллективами. Важным представлялся отказ от архаичных научных вертикалей с целью предоставления свободного пространства горизонтальной научной самостоятельности, для поиска грантов и заказов в частном секторе экономики¹.

Как это часто бывает, благие намерения открывают портал в преисподнюю, а «сакральные программы реформирования» (изложенные выше принципы) приводят к последствиям, которых либо вовсе не ожидали, либо ожидали как фатальную необходимость креативной «деструкции», после которой должен, как в греческой трагедии, наступить долгожданный катарсис. Разрушать что-либо до основания, противопоставляя сущему идеальный проект, – это, в конце концов, «славная» российская традиция. Одним из следствий воплощения «сакральной программы реформирования» стало резкое сокращение активности в учреждениях науки. Прикладные исследования показывали, что в новой ситуации представители науки действовали разнообразно, но в согласии со сложившимися обстоятельствами. Кризис, в котором оказались научные учреждения, дал начало мощной волне научной эмиграции, особенно в тех отраслях, которые к тому времени были неплохо развиты и по качеству достигнутых результатов находились на высоком уровне [Рязанцев, Письменная 2016]. Сыграла свою роль и «внутренняя эмиграция», в результате которой десятки тысяч ученых в самом продуктивном возрасте начали пополнять ряды предпринимателей, как правило, мелких и средних,

¹ В свое время довелось мне слышать одного из реформаторов, ученого-биолога, организовавшего собственное предприятие, получавшее заказы из-за рубежа: «Зачем нужна академия, зачем нужна наука, которая не умеет зарабатывать деньги?» На вопрос о том, как должны зарабатывать на жизнь историки, занимающиеся древностью, или астрофизики мой собеседник ответить не смог.

или получали новую квалификацию, вливаясь в ряды управленцев в крупных структурах в частном секторе экономики. Оценки разнятся, но большинство исследователей сходятся в том, что в результате «утечки мозгов» Россия понесла невосполнимые кадровые потери, надолго ослабившие ее способность вести исследования на достойном уровне [Наумова 2015].

До поры до времени камнем преткновения для реформаторов науки стало существование Российской академии наук, постаревшей, но при этом все еще концентрировавшей в себе оставшиеся научные кадры. В 1990-е гг. в Обнинске сотрудники научных институтов выживали, высаживая овощи на опытных грядках, но не оставляли при этом надежду на то, что удастся продолжить начатые проекты: к тому времени появились благотворители (прежде всего отметим Джорджа Сороса), которых интересовала остаточная жизнь в российских научных институтах, и которые, делая безусловно доброе дело, не оставались в накладе, отправляя за рубеж уникальные советско-российские научные разработки.

Было понятно, что академию намереваются реформировать, что настанет момент, когда и в этой части «сакральная программа реформирования» будет приведена в действие. Планы реформирования ковались двумя инстанциями параллельно – внутренней, т. е. самой академией, и внешней, т. е. ее высокопоставленными недоброжелателями, для которых разрушение этой советской твердыни стало чем-то вроде *idea fix*: Карфаген должен быть разрушен, но с той лишь разницей, что Карфаген напрямую угрожал могуществу Рима и его влиянию, а академия, хотя и не таила в себе явных угроз российской государственности, но сохраняла традиционную форму, которую в любой момент при наличии политической воли и достаточном влиянии можно было бы вернуть в рабочее состояние. Час академии пробил в 2013 г., когда власть, наконец, решила продемонстрировать (в очередной раз) разрушительную волю и смести с лица земли РАН как инструмент управления наукой. В обоснование принятого решения ссылались на коррупцию в академии, которая, конечно же, присутствовала, но в гораздо меньших масштабах, чем в других российских институтах, например, в органах охраны правопорядка. Миф о коррупции в академии был необходим для медийного *damage control* (все-таки академия – детище Петра), но в реальности по результатам всех проверок ее масштабы оказались настолько скромными, что говорить о коррупции в обнищавшей науке в дальнейшем не имело никакого смысла. Второй из аргументов касался эффективности академии, которую обвиняли в том, что она не выполняет предписанных ей функций, что российская наука хиреет день ото дня и все от того, что плохо управляется, что российские ученые за постсоветский период не получили ни одной Нобелевской премии. О том, что научные институты почти два десятилетия недофинансировались, что «энергетическая империя» не проявляла особого интереса к отечественной науке, действуя по принципу «была бы нефть, а технологии ее добычи привезут нам из развитых стран», обличители упомянуть, разумеется, забывали.

После того как академия была реформирована и превратилась, согласно «сакральной программе», в «клуб ученых», встал вопрос о том, как и кому управлять научным хозяйством. Для этих целей в спешном порядке было создано Федеральное агентство научных организаций (ФАНО), которое, не имея навыков в формировании научной программы, взялось за то, чтобы применять привычные бюрократические методы контроля и, прежде всего, наукометрию в самом базовом, примитивном ее варианте, выраженном в учете количества публикаций. Деятельность ФАНО была

признана провальной, но созданное на его обломках Министерство образования и науки продолжило курс на бюрократизацию и надзор, уточняя те же показатели, лишь косвенно коррелирующие с настоящими научными достижениями. Сейчас признано почти всеми, включая самих исполнителей, что реформа академии потерпела крах, что российская наука продолжает деградировать. Как показали расчеты, доля населения РФ, занятая научной деятельностью, имеет тенденцию к ежегодному сокращению [Итоги реформы РАН 2019]. При этом, как это ни парадоксально, настоящая наука в России, если и сохраняется, то, как и прежде, в институтах РАН. Российские университеты так и не переросли свою основную функцию обучения, несмотря даже на то, что некоторым из них был присвоен статус исследовательских.

У любого стороннего наблюдателя возникает закономерный вопрос: как же можно так реформировать тонкую сферу науки, что в результате она продолжает нести колоссальные потери, терять кадры и важные ресурсы? Одно из возможных и правдоподобных объяснений этому находится в книге А.Н. Олейника «Научные трансакции: сети и иерархии в общественных науках» [Олейник 2019], предлагающего рассматривать национальную науку как сложный социальный институт. Следует уточнить, что оценивать науку как продукт деятельности людей и сообществ, движимых определенным нормативным порядком, предлагал еще Томас Кун, написавший хрестоматийный труд «Структура научных революций» [Кун 2003]. В ней автор предлагал использовать для описания эволюции науки понятие научной парадигмы, которой на деле является сумма научных представлений, принятых научным сообществом в качестве базовых. В работах И. Лакатоса тезис, высказанный Т. Куном, в дальнейшем был несколько смягчен, но все же в основных посылах сохранился: наука делается людьми, которые организованы в сообщество, имеющее вертикальное и горизонтальное измерение и воспроизводящее устойчивые нормы кооперации для решения задач в познавательной сфере [Лакатос 2008]. Из этого следует, что научное знание не производится механически, эпистемологический процесс, заключенный в научной деятельности, опирается на сложную среду межличностных взаимодействий, регулирующихся системой норм. Именно этот аспект выделил в своей книге А.Н. Олейник и, применив данный подход, предложил ряд важных выводов.

Любой социальный институт, будь то семья, образование или наука, формируется как совокупность формальных и неформальных правил, а также стандартных механизмов принуждения к их соблюдению (энфорсмент). Исторически институт науки в различных странах развивался по-разному: в одном случае наука выросла из университета и осталась в нем, в других – она создавалась государством и служила, прежде всего, тем задачам, которые оно перед ней ставило. Вполне очевидно, что наука в США и Великобритании относится, прежде всего, к первому типу. Отсюда, полагает А.Н. Олейник, превалирование в науке горизонтальных трансакций и ориентация научных исследований на обширные внешние по отношению к ним рынки, сформированные государственным заказом, крупными корпорациями и академической, университетской средой, для которой наука – это способ получить более высокий статус и стать более привлекательными для студентов. Советская наука развивалась прежде всего как институт второго типа, создаваемый и расширяемый государством и получающий от него финансирование и целеполагание. А.Н. Олейник считает, что англосаксонская наука была не в пример более эффективна. Успешность западной и, прежде всего,

американской модели он связывает, во-первых, с ее способностью сохранять автономию, отграничиваясь как от влияния политики, так и от прямого проникновения рыночных практик, во-вторых, свободой ученых выбирать предмет исследования и формировать коллективы на основе общего интереса, в-третьих, наличием развитой инфраструктуры, обеспечивающей эффективные горизонтальные научные взаимодействия на расстоянии. В этих условиях рождается сообщество ученых, в котором преобладают отношения доверия, и воспроизводятся общие принципы научной состоятельности. Советскую систему А.Н. Олейник считает менее эффективной, что, с его точки зрения, доказывается невысоким уровнем признания ее заслуг в международном научном измерении и, прежде всего, недостаточной долей советских (а потом российских) ученых, получавших Нобелевскую премию. Надо сказать, что само утверждение о большей эффективности англосаксонской науки и тот критерий, который предложен в качестве основания оценки, весьма спорны. Дело в том, что в этом случае, возможно, даже более чем в какой-то иной области, институт Нобелевской премии функционирует по принципу самосбывающейся реальности. Природа премии такова, что в последнее время ею поощряются главным образом выходцы из США и Великобритании – независимо от того, кто в действительности проложил дорогу к тем открытиям, за которые она вручается. Бывали случаи, когда открытия делались иностранными учеными (например российскими), а премия вручалась американцам. Для того чтобы обеспечить им первенство, американские журналы придерживали публикации конкурентов. В чем-то Нобелевская премия оказывается сродни спортивным состязаниям: с 1930-х гг. повелось, что победивший в них доказывает не только личное превосходство, но и преимущество социального устройства, помогавшего ученому встать на ноги и добиться успеха.

И здесь необходимо вернуться к важнейшему вопросу: а что же такое эффективность в научных исследованиях и какими критериями ее можно оценивать? Невозможно судить об институте науки, абстрагируясь полностью от тех условий, в которых работали ученые, и тех системных ограничений, с которыми они сталкивались. Советское государство ограничивало работу научных коллективов и отдельных ученых режимом секретности, а публикация результатов в западных журналах в советское время не была обязательной и не поощрялась. По отношению к тем задачам, которые ставило перед ней государство, советская наука была вполне успешна и, необходимо это признать, находилась в мире на передовых позициях. Российские математики, физики, астрономы, химики и сейчас пользуются огромным уважением в международном научном сообществе и, если эмигрируют, находят работу на Западе без особых затруднений. Автор полагает, что издержки советской системы лежали в плоскости повышенного политического контроля, устанавливаемого государством, над наукой и сообществом ученых. В подтверждение этой гипотезы он называет конкретные цифры: две трети сотрудников ЦК были кандидатами и докторами наук. Аналогичная тенденция характерна и для российской политической элиты: в администрации президента России примерно 40% сотрудников имеют ученые степени. Возникает закономерный вопрос: можно ли рассматривать эти цифры как прямое доказательство влияния политической логики на научные исследования? Представители власти действительно тяготеют к научным статусам, но во всех ли научных дисциплинах «управленческие статусы» представлены одинаково? Данные говорят о том, что руководители из всех

возможных научных специальностей выбирают тематики, способные усилить их позиции в управленческой иерархии: экономическую, юридическую, социологическую, историческую – и в общем пуле защитившихся доля тех, кто предпочел естественно-научную специализацию, ничтожно мала². Не случайно «фабрики», изготавливающие диссертации, как правило, возникали в непосредственной близости от факультетов экономической или социальной ориентации: подготовка диссертации по физической или биологической специальности потребовала бы участия в экспериментах, большой и кропотливой индуктивной работы, погружения в процесс, которое полностью исключало бы любые другие направления занятости.

В книге А.Н. Олейника транзакции (коммуникации) между учеными рассматриваются как процессы в двух регистрах – личном и процедурном, протекающем при формальном участии научных сообществ. Оба уровня одинаково важны для того, чтобы научные изыскания были успешными. Неформальные речевые взаимодействия необходимы потому, что создают стимулы для креативной деятельности. «Беседы в курилке» или «посиделки за чаем» всегда были важны для науки как уникальный контекст, в котором заданные проблемы получают трактовки за пределами уже очерченных границ. В речевом контексте знаковые системы науки перестают работать как закрепощающие границы, а знание, достигнутое в причудливой «игре в бисер», вступает в реакцию с самыми разными неожиданными «реактивами», рождая на выходе научные новации. А.Н. Олейник подчеркивает, что горизонтальные коммуникации, а именно они преобладают в речевых научных транзакциях, позволяют поддерживать высокий уровень креативности в процессах производства знания. А.Н. Олейник полагает, и совершенно справедливо, что в советской, а потом российской научной среде преобладал вертикальный, «командный» стиль управления процессами, в то время как в университетской среде в развитых странах – горизонтальный. Это, считает он, обеспечило западной науке высокий уровень креативности, а российской – способность к мобилизации вокруг действительно значимых проектов. В подобной схеме российская наука представлена, прежде всего, как «Республика писем», а западная – как оптимальное сочетание речевой и письменной форм коммуникации. Однако в реальности именно в российской науке наблюдалось всегда, в наиболее продуктивные периоды ее развития, оптимальное сочетание формального и неформального, вертикального и горизонтального. Отчасти этому способствовало то, что ученые во многих случаях находились в пространственной близости друг от друга (города науки, научные городки), общались не только формально, но и в иных, по большей части неформальных, ситуациях (совместные посиделки, дружеские мероприятия, испытания креативности не только научной, но и художественной). Если горизонтальный регистр научных транзакций настолько важен, то следовало более подробно изучить не только формальные, но и неформальные практики, которые его стимулировали или, напротив, угнетали.

Наблюдение за деятельностью креативного класса привело Ричарда Флориду к заключению, что взлет креативности у людей творческих происходит в тех случаях, когда они получают возможность близкого контакта, непосредственного взаимодействия, причем не только и не столько на уровне отсылаемых друг другу по электронной почте посланий, сколько в регистре первого уровня, в пространстве личных коммуникаций [Florida 2008]. Высокий уровень креативности российских

² <https://www.rosbalt.ru/russia/2017/10/04/1650789.html>

ученых до революции объяснялся, помимо их включенности в международные сети, и тем, что они находились в постоянном контакте, обогащали друг друга идеями, вели острые очные дискуссии по тем проблемам, которые оказывались в их поле зрения. Нет ничего удивительного, что П.С. Сорокин и Н.Д. Кондратьев, выходцы из одного не самого развитого региона, имели возможность быстро прогрессировать в избранной ими научной дисциплине: они общались, работали вместе с ведущими учеными страны, входили в круг их близких контактов, получали там статус молодой «надежды» академического сообщества.

В англосаксонском научном контексте возникновению научных сообществ способствует особая форма академической жизни, каковой является университетский кампус. О том, какую роль он играет в жизни американского или европейских обществ, написано немало книг, поэтому нет необходимости развивать эту тему более подробно. Подчеркнем главное: кампус – это не только организация жизни обучающихся в университете студентов, но и форма существования научных сообществ, причем междисциплинарных, стимулирующих острую полемику в тех областях, где сходятся разные науки, где возможна встреча ученых, представляющих разные специальности. Кампус обладает свойством втягивать в себя ученых, организуя их проживание в непосредственной близости друг от друга. Кампус – это еще и привилегии: легкий доступ к научной информации, благодаря богатым, технически совершенным библиотекам, возможность заказывать нужные книги за казенный счет, льготы, включая бесплатное предоставление дорогостоящего программного обеспечения, дискаунт на покупку компьютеров, привилегии в использовании спортивных сооружений. Как правило, вокруг кампуса располагается сеть кафе и ресторанов, где есть возможность встретиться после работы, обсудить в непринужденной обстановке текущие научные проекты и планы на будущее.

Российская университетская жизнь организована иным образом: университеты располагаются в больших городах, а студенты, как правило, живут дома. Преподаватели имеют огромные учебные нагрузки и гораздо реже, чем их западные коллеги, общаются неформально, обсуждая научные проекты. В советской науке идея креативной среды обитания (научного сообщества) нашла воплощение в городах науки. Теоретической основой для создания наукоградов стала идея английского социолога Эбензера Говарда, опубликовавшего в 1898 г. книгу «Города-сады будущего» [Howard 2013]. Город-сад, по мысли Э. Говарда, должен был стать образцовой, гуманной средой обитания. Его размер не должен был превысить 5000 акров, но при этом горожанам обеспечивались те же комфортные условия жизни, что и в большом городе, но вдобавок к ним – обитание внутри естественной природной среды, близость рабочего места (из любого конца города до работы можно было добраться пешком), и – что немаловажно – демократический принцип управления, невозможный в тех случаях, когда речь идет о мегаполисах. Город-полис будущего помогал избежать скученности населения, которая не только не ведет к формированию гражданских сообществ, но и прямо им противоречит.

В Советском Союзе научный город-сад должен был обеспечивать сплоченность ученых, их постоянное взаимодействие, но не по городской повестке дня (о ней заботились власти), а по научной проблематике. Его назначение заключалось еще и в том, чтобы обеспечить ученым более высокие стандарты жизни, чем на остальной, небогатой, части страны. Советское руководство исходило из того, что научные достижения фундаментальной науки рано или поздно оборачивают-

ся выгодами в противостоянии с коллективным Западом, что экономить на науке и ученых не следует потому, что эффективные научные сообщества обеспечивают серьезный задел в большой геополитической игре, насыщая оригинальными идеями оборонные отрасли. В пореформенное время города науки потеряли государственную поддержку и либо деградировали, либо выживали на грани, предлагая свой продукт бывшим геополитическим конкурентам³. От прежних наукоградов, создававшихся по принципам изолированного анклава научной деятельности, остались лишь одни воспоминания. Если из системы изымаются ключевые элементы, обеспечивавшие ее успешное функционирование, то она, вне всякого сомнения, начнет распадаться, но это никак не умаляет того факта, что в какой-то момент она решала задачи, которые перед ней ставились, и была в этом смысле достаточно успешной.

Автор берется рассматривать важный вопрос: в какой степени возможно институциональное заимствование? Можно ли успешные идеалтипические образцы, под которыми понимается прежде всего англосаксонская наука, безболезненно пересадить на российскую почву? Опыт институциональных исследований, считает он, говорит о том, что подобная операция не имеет серьезных шансов на успех. В книге цитируется утверждение Гамильтона, суммирующее опыт «трансплантаторов»: «Почва, в которую экспортируется институциональный продукт, оказывает на него влияние; она может вообще убить все или привести к трансмутациям в его дальнейшем развитии» [Олейник 2019, с. 152].

Имея в виду возможный печальный исход подобной процедуры, А.Н. Олейник предлагает в любых планах реформ руководствоваться принципами умеренности и осторожности. Из заимствуемой институциональной среды следует, полагает он, брать прежде всего то, что имеет шанс прижиться на национальной почве, элементы, «которые культурно близки к элементам институциональной среды их собственной страны» [Олейник 2019, с. 153]. Наиболее важная проблема, которая должна быть в данном случае решена, заключается в том, кто отбирает эти элементы и какими принципами они руководствуются. А.Н. Олейник справедливо предполагает, что в определенных обстоятельствах «селекционеры» могут руководствоваться не соображениями общей пользы, не общим благом, под которым подразумевается эффективность инновационной научной деятельности, а собственными властными интересами, желанием укрепить позиции руководимой ими организации, пусть даже в ущерб науке в целом. В этом случае реформируемый институт ждет печальная судьба структуры, приносимой в жертву чьим-то личным амбициям.

Осуществляя реформу, необходимо принимать во внимание как внутренние научные коммуникации, так и внешние. Как уже говорилось выше, внешняя среда, в которой функционирует институт науки, формируется тремя агентами – рыночной потребностью в научных исследованиях, государственным заказом и запросом. Все они формируются университетской, академической средой. К ним можно добавить и общество в целом, ориентированное сциентистски, доверяющее науке, усматривающей в ней одно из конкурентных преимуществ страны, одно из тех завоеваний, которые могут послужить стране в будущем. В современной России не все из перечисленных агентов способны выполнять функцию стимулирования

³ Например, институт ЦАГИ в Жуковском, который в условиях упадка отечественной авиастроительной отрасли начал активно сотрудничать с *Boeing Company*.

научной деятельности. Как показал опыт последних трех десятилетий, российский рынок, его ключевые игроки, ориентированные на продажу сырья с низким уровнем передела, не испытывают нужды в отечественной науке, предпочитая в случае необходимости закупать готовые западные или китайские технологии.

Справедливости ради следует уточнить: касательно фундаментальной науки нигде, ни в одной стране мира, частные компании не являются основными источниками финансирования. Фундаментальные исследования во всех странах имеют государственную поддержку, которая обеспечивается по-разному, задействуя различные институциональные каналы. В США значительную долю расходов на фундаментальную науку обеспечивают совместно университеты, имеющие для этого развитую инфраструктуру, и гранты, отбираемые на конкурсной основе. Российские университеты, если верить автору, в чем-то подобны английским. Они ориентированы на обучение и в этом видят главную свою задачу. Однако, в отличие от английских университетов, российские имеют низкий уровень автономии, жесткую иерархическую систему управления, обеспечивающую полную подчиненность профессорско-преподавательского состава воле высокого руководства. Бюрократический контроль над деятельностью преподавателей систематически нарастает, объемы отчетности увеличиваются, но уровень оплаты труда находится значительно ниже тех стандартов, которым следует высшая школа за рубежом, причем не только в развитых, но и многих развивающихся странах. На данный момент подавляющее большинство российских университетов не обладают ни ресурсами, ни инфраструктурой, позволяющей вести исследования на высоком уровне. Что касается российских грантооператоров, то даже самые крупные из них, такие как РФФ, не могут предоставить финансирование, достаточное для воспроизводства крупных научных коллективов или чтобы вдохнуть жизни в деградирующие наукограды. Роль грантооператоров в российских условиях маргинальна: они выполняют функцию гибкого структурирования научной тематики, создавая дополнительные возможности для инициативных соискателей и проектов, имеющих неплохие шансы успешной реализации.

Важные наблюдения в рецензируемой книге касаются вопроса дифференциации внутри российской науки. Научные коммуникации, полагает автор, разнятся по направлениям (вертикальное и горизонтальное) и содержанию. Коренные различия характерны для так называемой парадигмальной коммуникации, свойственной естественно-научным подходам, и семиотической, которую берут в качестве основы общественные и гуманитарные науки. В каждом из типов должна быть решена одна из главных задач производства научного знания – его кодификация. В экономической науке, тяготеющей к естественно-научным подходам, кодификация знания осуществляется с помощью математических моделей. Агенты, вовлеченные в экономическую деятельность, рассматриваются как «идеальные машины», что, как не без оснований утверждает А.Н. Олейник, позволяет активно использовать не только математику, но и лабораторные эксперименты. Автор, хотя и не говорит об этом прямо, подразумевает господствующую в экономической науке теорию рационального действия, пусть даже и в современном смягченном варианте. Анализ действительности в этом случае подразумевает «физическую» реальность, воображаемую телесность объекта, который, с одной стороны, признается реально существующим, а с другой, рассматривается только как совокупность абстрактных стандартизованных действий, совершаемых им в ответ на возникающую «физическую»

же необходимость. Кодификация осуществляется, как уже говорилось, прежде всего в математических алгоритмах, эвристическая сила которых подтверждается либо опровергается экспериментом или статистической симуляцией.

В общественных и гуманитарных науках реализовать подобный подход крайне проблематично. Представления об объекте, к которым тяготеют общественные и гуманитарные науки, отправляются от понятия «знак», в котором априорно заложены понимание означающего и означаемого. При этом в большинстве случаев морфологическое сходство означающего и означаемого либо отсутствует, либо не наблюдаемо. Исходя из этого, в общественных науках кодификация происходит как процесс «взаимного согласования мысленных представлений», а кодификаторы, т. е. ученые, формируют то, что можно охарактеризовать как дискурсивное сообщество или «мир мысли» в терминах Мэри Дуглас. Одним из примеров того, как общественные науки формируют свои представления, является, по мысли автора, теорема Томаса: ожидаемое состояние является следствием процесса ожидания.

Возникает вопрос, который автор обходит стороной, но который важен в текущем моменте процесса реформирования науки и критериев ее внешней, управленческой оценки: возможно ли прилагать к науке парадигмальной и науке семиотической одинаковые критерии эффективности? Парадигмальная кодификация может при всех оговорках иметь универсальные критерии оценки, которые обозначены, например, в публикациях в журналах, имеющих международную индексацию. Общественные науки, оперирующие образами, тропами, помещенные в культурную среду согласия, отвечать этим критериям либо вовсе не могут, либо могут с огромными транзакционными издержками. Поставленная перед гуманитариями цель ежегодно увеличивать количество журнальных статей, размещаемых в журналах, которые индексируются в системах *WoS* и *Scopus*, приводит (и это уже очевидно) к появлению общественной науки, ориентированной в большей степени на воспроизводимость достигнутого результата, чем на его оригинальность. Решение сделать журнальные публикации основным принципом отчетности в гуманитарных науках уже породило институциональные деформации, выраженные в нарастающей коммерциализации публикационной активности. Платить за публикацию в рецензируемом, индексируемом журнале становится такой же привычной транзакцией, какой в недалеком прошлом была купля-продажа кандидатских или докторских диссертаций. Но если с коррупцией в диссертационной области ведется отчаянная борьба, то коммерциализация публикационной сферы получает в решениях управленцев косвенное поощрение в форме количественных показателей, о которых речь шла выше.

Опыт (и российский, и зарубежный) свидетельствует о том, что вертикальное принуждение порождало и будет порождать лишь вредные «трансмутации», о которых писал Гамильтон. Запретное давление бюрократии, ставящей требования ежегодно увеличивать число значимых научных публикаций, гонит российскую науку в направлении, противоположное тому, которое намечалось в «сакральной программе реформирования». Напомним, что моделью для российских реформ были западные и, прежде всего, американские университеты, в которых формируется продуктивная среда, сообщество, сплачиваемое отношениями доверия. Важнейшими условиями воспроизводства среды были и остаются автономное существование соответствующих учреждений, широкие возможности самостоятельной работы в первом и втором регистрах научных транзакций. Даже

в плохом сне невозможно представить, чтобы профессорам Лондонской школы экономики государство в лице министерства науки предписывало увеличить количество публикаций, а также следить за тем, какой у них индекс Хирша, угрожая в случае неповиновения сократить финансирование образовательных и научных проектов.

Ситуация внешнего принуждения ученых к продуктивности в науке не уникальна. В 1970-е гг. видные американские психологи заговорили о кризисе в психологии, о том, что она постепенно деградирует, оставляя позади самый продуктивный период в своем развитии. Музафер Шериф, один из основоположников американской социальной психологии, считал, что виной тому, как и в российском случае в настоящее время, – принцип «публикуйся или погибни» (*publish or perish*). Исследователи вместо того, чтобы работать на прорывных направлениях, генерировать новые идеи под его влиянием, принялись активно продвигать свои работы в печать. В результате, по утверждению М. Шерифа, соотношение «плевел» и «зерен» в науке стало меняться в пользу первых. Как же конкретно сказались на американской психологии эта смена приоритетов? Во-первых, полагал М. Шериф, психологи принялись редуцировать масштаб своих исследований, отдавая предпочтение локальным лабораторным тестам в ущерб масштабной проблематике. В лабораторных условиях поставить эксперимент относительно легко и, соответственно, несложно в короткие сроки представить его в форме научной публикации. Во-вторых, психологи практически перестали обращаться к общей тематике, отошли от подлинно значимых исследований с широким социальным посылом в пользу локальных тем, не претендующих на обобщения. М. Шериф считает, что объяснительный потенциал подобных исследований был низок потому, что ученые перестали рассматривать влияния системного уровня, которые в реальной жизни неизбежно модерируют любую форму межличностных взаимодействий. Психология трансформировалась в науку о частных обстоятельствах в ущерб общим проблемам, которые волновали общество: «Когда мы начинаем отделять “золотые зерна” от “плевел”, чтобы сохранить их для будущих поколений, оказывается, что, несмотря на впечатляющий объем публикаций, их очень мало. В общем-то и говорить не о чем. Наука фрагментирована, непоследовательна и не рождает общей картины» [Sherif 1977, p. 369]. Надо ли говорить, что транзакционные издержки российских ученых намного выше, а уровень вертикального давления на общественные и гуманитарные науки в настоящее время разрушительнее.

Книга А.Н. Олейника призывает к тому, чтобы в логике политических решений конфигурация науки как сложного института, поддерживающего широкий круг разнообразных транзакций, учитывалась как неизбежное ограничение, как структура действия, слом которой приведет к тому, что само содержание научного процесса будет безвозвратно утеряно. Автор полагает, что науку делают не одиночки, пусть даже и самые гениальные, а сообщество ученых с присущими им достоинствами и недостатками. Любой институциональный процесс, а тем более процесс, связанный с преобразованием социального института, чреват издержками, но в любой реализуемой, рефлексивно обосновываемой политике реформ выгоды от процесса должны превышать издержки. В настоящее время, к сожалению, в том, что касается реформы российской науки, картина противоположная: изменения, направленные на усиление надзора за течением и результатами научной деятельности, приводят к тому, что наука теряет подлинность и естественный мотив познания, подменяя его бессмысленными с содержательной точки зрения количественными показателями.

Литература

- Итоги реформы РАН глазами ученых. Интервью с президентом РАН А.М. Сергеевым (2019) // Интерфакс. 1 октября 2019 // <https://www.interfax.ru/russia/678745>
- Кун Т. (2003) Структура научных революций. М.: АСТ.
- Лакатос И. (2008) Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект.
- Наумова Т.В. (2015) Эмиграция ученых из России: интеграция в мировое научное сообщество или дезадаптация // Социально-гуманитарные знания. № 2. С. 57–71.
- Олейник А.Н. (2019) Научные транзакции в науке: сети и иерархии в общественных науках. М.: Инфра-М.
- Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. (2016) Эмиграция ученых и высококвалифицированных специалистов из России: тенденции, последствия, государственная политика // Социология. № 4. С. 18–27.
- Florida R. (2008) *Who's Your City?: How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life*, New York: Basic Books.
- Howard E. (2013) *Garden Cities of Tomorrow*, London: Routledge.
- Riesman D., Gitlin T., Glazer N., Denney R. (2001) *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*, New Haven, London: Yale University Press.
- Sherif M. (1977) Crisis in Social Psychology: Some Remarks towards Breaking through the Crisis // *Personality and Social Psychology Bulletin*, no 3, pp. 368–382.

The Institution of Science as a Space of Multi-level Interactions

Book Review: Oleynik A.N. (2019) *Scientific Transactions in Science: Networks and Hierarchies in Social Sciences*, Moscow: Infra-M (in Russian)

M. CHERNYSH*

***Mikhail Chernysh** – Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Sociology, Deputy Director, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences. Address: bld. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo St., Moscow, 117218, Russian Federation. E-mail: che@isras.ru

Citation: Chernysh M. (2020) The Institution of Science as a Space of Multi-level Interactions. *Mir Rossii*, vol. 29, no 4, pp. 204–216 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-204-216

Abstract

This article takes Oleynik's monograph as a starting point for reflection on the state of Russian science, the results and prospects of its ongoing reforms, and the principles upon which the evaluation of scientific performance might be based. Treating science as a social institution allows us to determine not only the direction and the register of scientific transactions, but also to assess the amount of damage that can be done

to science with inept reform policies that disrupt the logic of science's internal communications. The reforms set out to force Russian science to become part of the world scientific process, but in reality, they distanced it from the standards of evaluation of scientific performance adopted in developed countries. They replaced the reproduction of the institution on the horizontal register by the "publish or perish" principle. The reforms, and primarily the reforms of the Academy of Sciences, became one of the primary causes of the degradation of the production of scientific knowledge in Russia.

Key words: social institutions, science, scientific transactions, scientific communications, reforms

References

- Florida R. (2008) *Who's Your City?: How the Creative Economy Is Making Where to Live the Most Important Decision of Your Life*, New York: Basic Books.
- Howard E. (2013) *Garden Cities of Tomorrow*, London: Routledge.
- Itogi reformy RAN glazami uchenykh. Interv'yu s prezidentom RAN A.M. Sergeevym* [The Outcome of the Reform of the Academy of Sciences. An Interview with RAS President A.M. Sergeev] (2019). Available at: <https://www.interfax.ru/russia/678745>, accessed 22.06.2020.
- Kuhn T. (2013) *Struktura nauchnykh revolutsii* [The Structure of Scientific Revolutions], Moscow: AST.
- Lakatos I. (2008) *Izbrannie proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected Works on the Philosophy and Methodology of Sciences], Moscow: Akademicheskii Proekt.
- Naumova T. (2015) Emigratsiya uchenykh iz Rossii: integratsiya v mirovoe nauchnoe soobshchestvo ili dezadaptatsiya [Emigration of Scientists from Russia: Integration into World Scientific Community or Disadaptation]. *Social Science and Humanities*, no 2, p. 57–71.
- Oleynik A.N. (2019) *Nauchnye transaktsii v nauke: seti i ierarkhii v obshchestvennykh naukakh* [Scientific Transactions in Science: Networks and Hierarchies in Social Sciences], Moscow: Infra-M.
- Riesman D., Gitlin T., Glazer N., Denney R. (2001) *The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character*, New Haven, London: Yale University Press.
- Ryazantzev S., Pismennaya E. (2016) Emigratsiya uchenykh i visokokvalifitsirovannykh spetsialistov iz Rossii [Emigration of Scientists and Other Highly-skilled Specialists from Russia]. *Sotsiologiya*, no 4, pp.18–27.
- Sherif M. (1977) Crisis in Social Psychology: Some Remarks towards Breaking through the Crisis. *Personality and Social Psychology Bulletin*, no 3, pp. 368–382.